

ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕСТВА: РУССКО-УЗБЕКСКИЙ БИЛИНГВИЗМ

Кахарова Нилуфар Нуридиновна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Кокандского государственного университета

Узбекистан, Коканд

nilufar.qdpi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4542-4582

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20675678>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы русско-узбекского билингвизма в условиях современного многоязычного общества Узбекистана. Рассматриваются социалингвистические факторы, определяющие характер взаимодействия русского и узбекского языков, прослеживается динамика языковых контактов в диахроническом аспекте. Делается вывод о необходимости системного подхода к изучению двуязычия как сложного коммуникативного и культурного явления.

Ключевые слова: билингвизм, русско-узбекский билингвизм, языковые контакты, многоязычное общество, социалингвистика, языковая личность.

Annotation. The article discusses the current problems of Russian-Uzbek bilingualism in the modern multilingual society of Uzbekistan. The sociolinguistic factors determining the nature of the interaction between the Russian and Uzbek languages are considered, the dynamics of language contacts in the diachronic aspect is traced. The conclusion is made about the need for a systematic approach to the study of bilingualism as a complex communicative and cultural phenomenon.

Keywords: bilingualism, Russian-Uzbek bilingualism, language contacts, multilingual society, sociolinguistics, linguistic personality.

Проблема билингвизма в современной лингвистике занимает одно из центральных мест как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Узбекистан, будучи многонациональным государством с глубокими историческими корнями межэтнического взаимодействия, представляет собой уникальную социалингвистическую лабораторию, в которой русский и узбекский языки находятся в условиях непрерывного контакта на протяжении нескольких столетий.

Понятие «билингвизм» (двуязычие) в научной литературе трактуется неоднозначно. В широком смысле это владение двумя языками и регулярное их использование в коммуникативных целях. Классическое определение, предложенное У. Вайнрайхом, гласит: «практика попеременного использования двух языков называется двуязычием, а лица, её осуществляющие, - двуязычными»[6].

В отечественной лингвистике проблема билингвизма разрабатывалась такими учёными, как Л. В. Щерба, который первым в русской науке разграничил «смешанный» и «чистый» билингвизм, В. Ю. Розенцвейг, разработавший типологию интерференционных явлений, а также Ю. Д.

Дешериев, внёсший значительный вклад в изучение языков разных народов и проблем национально-русского двуязычия[2].

В зависимости от критерия классификации в научной литературе выделяется несколько типов билингвизма. По степени владения языками различают сбалансированный (координативный) и несбалансированный (субординативный) билингвизм. В первом случае оба языка функционируют относительно независимо и симметрично; во втором – один язык (обычно родной или доминантный) подчиняет себе второй, который усваивается через посредство первого. Для большинства узбекско-русских билингвов характерна именно субординативная модель, при которой узбекский язык выступает базовым, а русский – вторичным, хотя в отдельных социальных группах (городская интеллигенция, выросшая в русскоязычной среде) наблюдается инвертированная картина.

По времени усвоения выделяют симультанный (одновременное усвоение двух языков с детства) и последовательный (сукцессивный) билингвизм (сначала родной язык, затем второй). По сфере использования – бытовой, производственный, профессиональный, официальный билингвизм. Наконец, по характеру языковых систем в сознании говорящего – координативный, субординативный и смешанный типы (по У. Вайнрайху). Каждый из этих типов порождает специфические явления языкового взаимодействия[6].

Среди западных исследователей значительный вклад в теорию билингвизма внесли Э. Хауген, разработавший понятия «трансфер» и «заимствование» применительно к контактной лингвистике; Дж. Гамперц, предложивший концепцию «коммуникативного repertoire» и заложивший основы анализа код-свитчинга; а также Ф. Гроссжан, разработавший «режимную» теорию языкового поведения билингвов[5].

Русско-узбекские языковые контакты имеют многовековую историю, однако наиболее интенсивными они стали после включения Средней Азии в состав Российской империи во второй половине XIX века. Именно тогда началось активное проникновение русской лексики в узбекский язык, охватившее прежде всего сферы административного управления, военного дела, техники и образования.

В период (1917–1991) языковые контакты приобрели качественно иной характер: русский язык был введён в систему образования, государственного управления, науки и культуры, что создало объективные предпосылки для массового двуязычия. Узбекское население было вовлечено в систематическое изучение русского языка, а в городах сложились смешанные русско-узбекские речевые сообщества. Этот период ознаменовался интенсивным заимствованием русизмов в узбекский язык, особенно в технической, научной и политической сферах.

После обретения Узбекистаном независимости в 1991 году языковая ситуация претерпела существенные изменения. Узбекский язык получил статус государственного, началось планомерное расширение сфер его функционирования. В 1993 году был осуществлён перевод узбекского письма на латинскую графику, что, с одной стороны, символически обозначило

дистанцирование от кириллической (русской) традиции, а с другой – создало определённые трудности для преемственности письменной культуры.

Тем не менее, вопреки ожиданиям некоторых исследователей, русский язык не утратил своих позиций в Узбекистане. По данным социолингвистических исследований начала 2020-х годов, значительная часть городского населения страны продолжает активно использовать русский язык в повседневном общении, особенно в Ташкенте, Самарканде и Фергане. Русский язык сохраняет функции языка науки, высшего образования, межнационального общения, а также остаётся важным инструментом трудовой миграции.

Важнейшим социолингвистическим измерением является городско-сельская дихотомия. В крупных городах – Ташкенте, Самарканде, Фергане, Намангане – уровень русско-узбекского билингвизма традиционно выше, чем в сельских районах, где узбекский язык (в различных диалектных вариантах) господствует безраздельно. Эта дихотомия во многом определяет и степень интерференции, и частоту код-свитчинга: городской билингв значительно чаще и гибче переключает языки, тогда как сельский носитель демонстрирует менее развитый билингвизм с более выраженными интерференционными явлениями.

Исследования показывают, что одни говорящие воспринимают двуязычие как ресурс и преимущество, другие – как источник когнитивного напряжения и социальной неопределённости. Первая установка коррелирует с более активным использованием обоих языков, большей гибкостью в код-свитчинге и меньшей тревожностью в отношении интерференционных явлений. Вторая установка, напротив, нередко ведёт к избеганию одного из языков или к гиперкоррекции.

Не менее важна проблема языковой нормы в условиях билингвизма. Каков нормативный статус тех языковых явлений, которые возникают на пересечении двух систем? Насколько жёсткой должна быть нормативная граница в условиях, когда смешение языков является социально принятой коммуникативной практикой? Эти вопросы требуют осмысления не только с лингвистической, но и с лингводидактической и языковой политической точек зрения.

Перспективы дальнейших исследований связаны с детальным корпусным изучением устной и письменной русско-узбекской речи, применением методов психолингвистики и нейролингвистики для изучения билингвального ментального лексикона, а также с разработкой социолингвистических моделей, отражающих динамику языковой ситуации в Узбекистане в условиях меняющейся языковой политики и глобализации информационного пространства.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1.Исматуллаев Х. Узбекско-русское двуязычие: социолингвистическое исследование. — Ташкент: Фан, 1983. — 144 с.

2. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. — Л.: Наука, 1972. — 80 с.
3. Grosjean F. Bilingual: Life and Reality. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. — 276 p.
4. Gumperz J. J. Discourse Strategies. — Cambridge: Cambridge University Press, 1982. — 225 p.
5. Haugen E. The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1953. — 695 p.
6. Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. — New York: Linguistic Circle of New York, 1953. — 148 p.